

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-39-54
EDN: BZWSAH

Научная статья / Research article

Крепкая пристань суверенитета, или Как строится мировой водный порядок

А.А. Михалева

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Российская
Федерация

✉ afan-project@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — анализ способов совместного осмысления понятий суверенитета и воды как политической сущности (речь о самом широком спектре ее проявлений, от предмета конкретных соглашений, регулирующих отношения на границах национальных государств, до места в современной политической философии). Работа опирается на теорию суверенитета, поэтому ее методологическая основа — сравнительный анализ концепций. Политическая рефлексия по поводу воды связана с понятием суверенитета. Так, вода истолковывается как нечто, неразрывно связанное с национальными границами, разделяющими или, напротив, преодолеваемыми. Использование теории суверенитета дает возможность говорить о реках, протекающих на территории разных государств, об их бассейнах, о доступе к Мировому океану, о климате, питьевой воде, ставить вопросы о локальности и глобальности, об угрозах и безопасности, о сотрудничестве и конфликтах, о прошлом и будущем, о реальном и о потенциальном. Это напрямую влияет на создание общей и понятной всем нормативной системы управления водой (в смысле политической категории), которая активно формируется в последние десятилетия. Для того чтобы определить то, какую связь имеют вопросы воды и суверенитета, был собран и проанализирован большой объем текстов. Каждый из них оценивался с точки зрения значения для создания интерпретационных моделей, лежащих в основе конкретных политических действий: от разработки международных соглашений до описания в медиапространстве предвыборных программ. Основные результаты исследования показали, что суверенитет стал не просто неотъемлемой характеристикой политического осмысления воды, но и инструментом решения конкретных задач. Он создает язык, на котором можно говорить о воде как о ресурсе, который ограничен, требует справедливого распределения, внешнего вмешательства, стоит под угрозой исчезновения, обладает первостепенной важностью для человека и человечества вообще. При этом размытые границы понятия «суверенитет» и споры о его значении лишь способствуют его востребованности, он встраивается в настолько широкий спектр тем, что их может объединять лишь отсылка к воде.

Ключевые слова: суверенитет, вода, концепция, ресурсы, границы, нормы

© Михалева А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Михалева А.А. Крепкая пристань суверенитета, или Как строится мировой водный порядок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 1. С. 39–54. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-39-54>

Solid Pier of Sovereignty, or How the World Water Order is to be Created

Anastasia A. Mikhaleva

Banzarov Buryat State University, *Ulan-Ude, Russian Federation*

✉ afan-project@mail.ru

Abstract. This paper focuses on analyzing joint thinking about sovereignty and water as a political entity (broadly, from the subject of boundary agreements to the issue of contemporary political philosophy). It is based on the theory of sovereignty, so the methodological basis of the article is a comparative analysis of the concepts. The political reflection of water is intertwined with the concept of sovereignty. Water is interpreted as something inextricably linked to national boundaries, dividing or, conversely, transcending. The concept of sovereignty makes it possible to talk about rivers flowing on the territory of different states, about their basins, about access to the world ocean, about climate, freshwater resources, to raise questions about local and global, threats and security, cooperation and conflicts, the past and the future, the real and the potential. This affects the creation of a common and understandable to all normative system of water (as political category) management, which has been actively formed in recent decades. Many texts have been collected and analysed to determine the relationship between water and sovereignty. Each was evaluated in terms of its importance in creating interpretive models underlying specific political actions, from the drafting of international agreements to the description of electoral programs in the media. It was found that sovereignty has been integrated into the political conceptualisation of water and has become a tool for solving specific tasks. It creates a language to talk about water as a resource that is finite, requires equitable distribution, requires external intervention, is in danger of extinction, and is a basic need for humans and humanity. The vague boundaries of the concept of sovereignty and disputes about its meaning only contribute to its relevance. It is present in such a wide range of topics, they can only be united by a reference to water.

Keywords: sovereignty, water, concept, resources, borders, norms

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Mikhaleva, A.A. (2025). Solid pier of sovereignty, or how the world water order is to be created. *RUDN Journal of Political Science*, 27(1), 39–54. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-39-54>

Введение

Определяющая черта идеи суверенитета — глубина и многослойность. Непрерывающиеся на протяжении столетий споры о том, что есть суверенитет, не отменяют всеобщего понимания его основы — представления о верховной

власти на ограниченной территории. В то же время каждая из этих составляющих обсуждается и переосмысливается, они дают возможность описать и осознать изменения, затрагивающие многие области, одной из которых стал политический вопрос о воде, в первую очередь на международной арене. Здесь в центре внимания находится взаимодействие различных политических акторов, прежде всего национальных государств, по вопросам распределения водных ресурсов.

Цель исследования — анализ способов совместного осмысления понятий суверенитета и воды как политической сущности (речь о самом широком спектре ее проявлений, от предмета конкретных соглашений, регулирующих отношения на границах национальных государств, до места в современной политической философии). При таком подходе можно увидеть пути их пересечения, выявить разные направления трансформации, расширить масштаб анализа, сосредоточившись не на конкретных аспектах гидрополитики и суверенитета, а взглянув на взаимовлияние этих идей. Сфера воды в ее связи с суверенитетом привлекает внимание по множеству причин, которые сложно охватить одновременно. Данное исследование лишь пытается обозначить современные тенденции осмысления суверенитета и воды в политике. Это поле намного глубже, чем кажется на первый взгляд, потому что в его основе лежит отсутствие четких теоретических границ, согласия по поводу единого строгого значения концепций суверенитета или, например, гидрополитики, а также непрекращающиеся изменения. Невозможно свести воду в политике к гидрополитике. Обращение к суверенитету обнаруживает, что вода проявляется как многогранная политическая переменная, которая может быть частью других теорий, подходов, доктрин. Однако это не обесценивает для исследователя место гидрополитики в этой системе. Такая ситуация требует комплексного подхода к изучению.

Во-первых, можно констатировать, что вопросы о воде сейчас сосредоточиваются преимущественно на так называемых трансграничных водах. Вода здесь объединяет политические территории, нарушая модель, лежащую в основе современной международной системы, в основе которой лежит концепция суверенитета. Таким образом, разговоры о воде и суверенитете как о политических категориях тесно переплетены, что приводит к необходимости изучения этого явления.

Во-вторых, сейчас общепризнана первостепенная важность темы воды в политике, особенно на международном уровне. Идеи водного дефицита, нивелирования негативных последствий действий человека, прежде всего индустриальной деятельности (а вода находится среди основных сфер такого воздействия), ограниченного доступа к пресной воде и другие идеи — все они получили статус решающих, а их влияние в будущем, скорее всего, будет только расти.

В-третьих, политика и международное право испытывают на себе глубокие последствия актуализации вопросов, касающихся воды, и их влияния на такие классические категории, как суверенитет. Эта связь стала политической проблемой, требующей специального языка описания, нормативного поля. Она — предмет обсуждения, столкновения и сотрудничества.

В-четвертых, суверенитет и множество концепций, описывающих присутствие воды в политике, объединяет подвижность границ определения, когда

значение сильно варьируется в зависимости от места применения, дисциплинарных границ, подходов и теоретических рамок, в которых идет это применение. Эта спорность вызывает особое внимание при рассмотрении соотношения воды и суверенитета, показывающего, что аналитическая и практическая значимость определений напрямую влияет на их взаимозависимость.

Такая подвижность делает практически невозможным обзор исследований, обращающихся к воде и суверенитету вообще. Огромное количество подобных работ посвящено практическим аспектам присутствия этих понятий в политике, еще больший масштаб у работ, которые не выделяют взаимосвязь этих понятий, а обращаются к одному из них в процессе анализа другого. Все они в этом исследовании являются объектами анализа, поскольку оно направлено на выделение особенностей осмысления суверенитета и обращения к воде в политическом пространстве. Интерес представляют классические теоретические работы, оказавшие наибольшее внимание на сформировавшуюся модель понимания взаимного пересечения суверенитета и воды, новые работы, фиксирующие текущее положение дел. Кроме того, будут рассмотрены и тексты иного характера, обладающие наибольшим влиянием: нормативные акты, политические заявления, аналитические отчеты и другие подобные документы.

Смыслы воды

Статус воды как важнейшей составляющей международной политики в современном мире стал обыденной практикой. Он объясняет необходимость обращения к воде, что характерно для текстов разного характера, в том числе для научных. При этом они могут не специализироваться только на ней. Вода может входить в темы окружающей среды [Mitchell 2008], климата¹, сельского хозяйства², гендерного неравенства [Meinzen-Dick, Zwartveen 1998] и многие другие. Анализ показывает, что акцент на важности воды чаще всего призван привлечь внимание к необходимости использования конкретного подхода. Подход в данной ситуации — это не просто концепция анализа, это единая совокупность, определяющая понимание воды в политике: теоретические рамки, объект и предмет обсуждения, выбор идей, на основе которых выстраивается этот подход и другие подобные характеристики. Разговор о глобальности отсылает к модели глобального управления, о дефиците — к ресурсному подходу и т. д. Даже водная политика («water politics») отягощается необходимостью считаться с подходом, который за ней стоит. Это может быть управление общими водными ресурсами и уход от конфликтов в этой области в поле международных

¹ Вода: в центре климатического кризиса // ООН : официальный сайт. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/science/climate-issues/water> (дата обращения: 30.08.2024).

² Интервью с директором Отдела земельных и водных ресурсов ФАО Ли Лифэном // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций : официальный сайт. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/water-scarcity-means-less-water-for-agriculture-production-which-in-turn-means-less-food-available-threatening-food-security-and-nutrition/ru> (дата обращения: 30.08.2024).

отношений или более широкое понятие, включающее в себя внутреннюю политику и понятие повседневного политического использования. Есть и подходы, ставящие знак равенства между водной политикой и гидрополитикой [Ribeiro, Sant'Anna 2014], которая, в свою очередь, также не имеет единого понимания. Международный масштаб обсуждения воды приводит к тому, что основной акцент ставится на взаимоотношениях суверенных государств. Разные понимания и разные подходы позволяют причислять к агентам «политики воды» и транснациональный бизнес, и международные неправительственные организации, но, несмотря на отличия, все соглашаются, что таким статусом обладает «суверенное государство на анархистской арене», и когда речь заходит о воде, споры возникают лишь об излишней концентрации на нем [Warner, Wegerich 2010: 7–8].

Идея ресурса — центральная для воды. Когда в современном мире бытие понимается как сущее, доступное для использования, о чем говорили постмодернисты [Heidegger 1962: 95–107], вода определяется как нечто полезное, готовое к употреблению. Так в основном и воплощается тема воды в политике: пресная вода, двигатель для гидроэнергетики, транспортный путь, место для жизни рядом. Ресурсный подход предписывает не только основные сюжеты (и в науке, и в политике), но и проблемы. Если видеть в воде ресурс, то главной проблемой становится его дефицит, доступ к нему и эффективное использование. Значимость водного кризиса нарастает, и он может определяться переломной точкой в развитии цивилизации, способной изменить существующий миропорядок [Суздалева 2020: 53]. Поднимается вопрос о разумности или справедливости распределения, и поскольку территориальные границы государств создают асимметрию бассейнов, суверенитет играет ключевую роль в этой картине [Miyumachi 2015: 13]. Использование гидроресурсов напрямую вписывается в возможность отстоять свои национальные интересы и извлечь определенные выгоды [Белозеров 2009: 160]. Пресная вода объявляется фундаментальным ресурсом, неотъемлемой частью активности, включая производство продуктов питания, энергии, функционирование транспорта, утилизацию отходов, промышленное развитие и здоровье человека [Gleick 1993: 79]. Но ценность воды обуславливается ее дефицитностью, поэтому на первый план выходят неравномерность ресурсов и нерегулярность доступа к ним. Эти характеристики стали решающими для политического понимания вопроса о пресной воде. Дефицит пресной воды, который актуализируется в последние десятилетия, превратил эффективность использования водных ресурсов в один из важнейших стратегических источников укрепления силы любого государства на международной арене³. Мировой масштаб анализа делает суверенитет его составляющей. Если проблемы объявляются общими, пересекают национальные границы и выходят на глобальный уровень, как глобальность дефицита пресной воды [Данилов-Данильян 2008]), то взгляд в рамках национального государства не видится достаточным. Как пишут Дойл, МакЭккерн и МакГрегор, понимание

³ Лихачева А.Б. Дефицит воды как фактор современных международных отношений: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Москва, 2015. С. 3–4.

того, в какой степени мировая политика и международная система способны справиться со сложностью глобальных экологических проблем, требует сравнения, а это воспроизводит идею национального суверенитета [Doyle, McEachern, MacGregor 2001: 190–191]. Вода становится неотъемлемой частью национальной идентичности, а нации и государственное строительство могут рассматриваться в качестве основы для объяснения растущей вероятности водных конфликтов, которые локализуются в регионах с напряженной ситуацией, например, в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, на Индийском субконтиненте⁴. Такое обращение к воде приводит к идее суверенитета, который является категорией современного национального государства. Вода выступает как предмет столкновения их интересов, оцениваются потребности, количество получаемой воды, наличие дефицита, экологические последствия, хозяйственная деятельность.

Еще с начала 1990-х гг., когда тема воды и политики стала набирать популярность не только среди ученых, но и среди политиков и общественности, наибольший резонанс получили «водные войны». Вода была объявлена предметом серьезных межгосударственных конфликтов, особенно между странами, через которые протекает одна река [Frey 1993]. Несмотря на то, что эти работы часто цитируются и сегодня, на первый план вышла будущность столкновений, потому что ни один конфликт еще не объявили полностью водным. Возможно выделение проблемы воды как составляющей общего фактора, но чаще всего столкновения определяются как угроза. Конкретные конфликты, имеющие отношение к воде (и текущие, и потенциальные), чаще всего выступают как иллюстрация общей проблемы на глобальном уровне. При этом обращение к суверенитету не сливается с общемировым масштабом анализа и фокусом на международных отношениях. Даже выделение местного, национального, регионального и собственно глобального уровней конкуренции или сотрудничества групп интересов по поводу водных ресурсов все равно ставит воду в позицию главного предмета обеспокоенности для страны, подчеркивает важность воды для ее развития, безопасности и благосостояния [Mokhtari Hashi, Kavianirad 2019: 15].

Вода нагружается условными характеристиками, быстро считываемыми символами для обсуждения взаимоотношений государств на международном уровне. «Голубая вода» обычно олицетворяет чистую питьевую воду, этот термин присутствует в дискуссиях о дефиците, международном влиянии и давлении одних государств на другие. «Зеленая вода» дает возможность говорить о неочевидном присутствии темы воды в далеких, на первый взгляд, от нее вопросах (в частности, в дискуссии о сельском хозяйстве в концепции «виртуальной воды»). «Кровавая вода» считывается как причина вооруженных конфликтов. Эти наименования воды становятся способом изучения воды как товара, позиции суверенных государств на международной арене и поднимают вопрос об их взаимозависимости [Woertz 2022].

---

⁴ *Allouche J.* Water nationalism: An explanation of the past and present conflicts in Central Asia, the Middle East, and the Indian Subcontinent : Unpublished Ph.D. dissertation. Universite de Geneve, 2005.

Различие способов понимания статуса воды в политике, связанных с ней проблем и методов их решения не отменяет сходного для них языка, где вода расценивается как потребность, а пресная вода — как базовая потребность человека. Это обосновывает необходимость оценки количества, качества воды и их изменений. А они уже позволяют говорить о дефиците, конфликтах, сотрудничестве, опасностях в будущем, трансграничных водах и национальных интересах. Созданы узкоспециализированные показатели потребностей в воде, например, «водный стресс» — соотношение использования воды к ее доступности или «уровень дефицита» — соотношение количества доступной воды в регионе с пороговыми значениями (показатель менее 1700 м³ на человека в год определяет ситуацию в качестве конкуренции за водные ресурсы [Falkenmark, Rockström 2004]).

Таким образом, потребность в воде, которой нет замены во многих областях, поднимает вопрос об истощении этого ресурса. Это ведет за собой прогнозирование конфликтов между агентами, пытающимися восполнить запасы. Этими агентами выступают суверенные государства, поскольку водоемы и речные бассейны локализуются в их границах. Территориальное разделение поднимает проблему трансграничных вод и столкновения интересов. Осмысление воды и политики не ограничивается пресной водой, но и другие аспекты понимаются через ту же модель, когда потребности требуют оценки ресурсов, их распределения и угроз. Глубоководная часть океана как ресурс тоже отсылает к интересам национальных государств [Moore, Squires 2016: 101], а уязвимость государства перед международным сообществом при наводнении, цунами или другим стихийным бедствием может напрямую ставить вопрос о границах суверенитета⁵. С 1990-х гг. все больше растет количество отсылок к воде как к категории политических исследований, политической повестки, конкретных политических документов и действий. Сформировались многочисленные точки пересечения воды и суверенитета, испытавшие на себе воздействие множества создателей смыслов, с их проблемами, предметами, темами и уровнями анализа.

Однако не стоит забывать, что связь воды и суверенитета намного глубже. Еще Карл Шмитт писал о восприятии пространства через противопоставление Земли и Моря. Логика Земли покоится на пространственных разграничениях, и она фундаментальна политична [Де Бенуа 2013 144]. Вода, которую вписывают в разделенное на четко ограниченные участки пространство, и составляет доминирующий сейчас общий подход. Как подчинить эту неустойчивую и текучую стихию порядку, границам, законам, и собственно суверенитету?

Практические смыслы

Критический анализ текстов последних нескольких десятков лет позволяет говорить о невозможности выделить четкую причинно-следственную зависимость, которая бы определяла востребованность суверенитета в качестве

---

⁵ After the storm // Aeon. URL: <https://aeon.co/essays/disaster-relief-as-a-threat-to-state-sovereignty> (accessed: 30.08.2024).

неотъемлемой составляющей понимания воды в политике. Она может быть зафиксирована, но множество связей, на которые она распадается при ближайшем рассмотрении, делают ситуацию принципиально неоднозначной. Тему воды затрагивают самые разные вопросы, каждый из них может выдвигаться в центр обсуждения в своей сфере. Эта тесно переплетенная совокупность проявляется в большом количестве постоянно трансформирующихся теорий, призванных ее интерпретировать. Но все это касается не только воды, но и суверенитета. При этом неодинаковые определения и практики их использования сами становятся объектом анализа, когда выделяются и фиксируются особенности параллельного сосуществования определений. Суверенитет постоянно разграничивается, выявляются его смыслы и границы применения, но вместе с тем подчеркивается единство: он не распадается на отдельные термины. Конец суверенитета обсуждается и рассматривается, но доминирует отказ от этой мысли⁶. Он выступает как некий дискурс, как концепция, как политическая практика и как нормативный принцип, определяющий международные отношения. И в каждом из этих направлений его осмысления присутствуют споры о том, что он означает, как соотносится с другими понятиями, как вписывается в контекст, что есть во времени. Это касается не только текстов, транслируемых источниками разных категорий (законов, заявлений политиков, международных соглашений, экспертных заключений или медиа), но и научной литературы. Анализ этого многообразия, поиск того, как это явление определяет заинтересованность ученых и научных дисциплин в определенном плюрализме, влияет на аксиологический выбор, тесно связанный с отдельными лицами, сообществами и/или государствами, — все это отдельные направления анализа [Núñez 2024]. Идея суверенитета распространяется из одного времени, места или интеллектуального контекста в другое. И этот процесс также подвергается анализу, например, как процесс «диффузии» или даже «заражения» [Nardin 2014].

Суверенитет характеризует одна из важнейших его характеристик — парадокс, который заключается в том, что суверен, обладая законной властью приостанавливать действие закона, ставит себя вне закона [Агамбен 2011: 22], то есть он одновременно внутри и за пределами правовой системы⁷. Этот парадокс хорошо отвечает актуальным запросам при создании политического отображения воды. Всеобъемлющая основа, заключающая в себе противоречия, позволяет описать огромное количество разных процессов и явлений, которые в сущности объединяет лишь тема воды. Суверенитет, как бы он ни понимался, выступает абстрактной концепцией власти, а общая воля, которая теперь приоритетна для его понимания⁸, не является по своей природе незыблемой, она говорит в изменяющихся нормах [Де Жувенель 2010 76]. Идея суверенитета дает возможность

⁶ См.: [Pemberton 2000; Ward 2003]; *Lewis F.* The End of Sovereignty // *The New York Times*. May 23, 1992. URL: <https://www.nytimes.com/1992/05/23/opinion/the-end-of-sovereignty.html> (accessed: 30.08.2024).; *Milanesi N.* The End of Sovereignty as We Knew It // *Political Critique*. May 24, 2019. URL: <https://politicalcritique.org/world/eu/2019/the-end-of-sovereignty-as-we-knew-it/> (accessed: 30.08.2024).

⁷ Шмитт К. Политическая теология, цитируется по Агамбену [Агамбен 2011: 22].

⁸ В отличие от божественной [Де Жувенель 2011: 76].

обсудить способ установления политического порядка, который актуален, когда речь идет о воде. Нарастающий с начала 1990-х гг. объем текстов, описывающих конкретные политические ситуации⁹, постепенно создает модель, в которой вода больше не является необычным вопросом. Для этой модели выявляются повторяющиеся правила и взаимосвязи. Вода становится нормальностью, и уже в ее рамках поднимается вопрос о том, кто имеет власть над определением структуры политико-правового порядка.

Здесь и возникают эти главные направления осмысления воды, которые ее структурируют, а они, в свою очередь, распадаются на другие, меньшего масштаба (как «магистральные сюжеты» пресной воды [Лихачева 2013: 498–499]). Ресурсная природа воды ставит конфликт в основу понимания отношений на международном уровне, даже если подчеркивает значение сотрудничества [Vukovic 2008]. Упор на изменении количества ресурса и доступа к нему выдвигает вперед практику прогнозирования, когда анализируются негативные сценарии, угрозы, причины еще не случившихся конфликтов [Джамалов, Хасиев 2011: 45]. Водная безопасность предлагается на замену другим парадигмам в политике природных ресурсов¹⁰. Особенно ярко это проявляется при обсуждении транснациональных рек: и в науке, и в политике, и в публичной сфере. Суверенитет становится базой для создания конкретных инструментов, ведь если вода понимается как ресурс, то она может выступать объектом перераспределения в условиях растущего дефицита [Water Trading... 2012]. Есть и направление глобальности, когда в центр ставится или призыв к глобальному управлению водой (по крайней мере к многоуровневой конструкции, включающей значительное глобальное измерение [Pahl-Wostl, Gupta, Petry 2008] или, напротив, важность (в разной степени, вплоть до первичности) власти на уровне отдельных государств. Суверенитет позволяет говорить о столкновении этих подходов. Так становится возможным видеть на глобальном уровне «квазиколонизацию» [Воловиков 2024 : 54] или противопоставлять «местные силовые игры» глобальному управлению [Water politics... 2008: 32], а зависимость человеческой жизни от глобально связанных семян и воды (речь буквально идет о концепции не зависящего от национальных границ движения семян и воды) подводит к несостоятельности управления на национальном уровне¹¹. Может рассматриваться и лидерство конкретной страны в глобальных масштабах через вопросы воды¹² или ее влияние, например, через соответствующие технологии

⁹ Появляются не просто отдельные эмпирические описания, но и их сборники, в том числе в научной сфере [The Politics of Water... 2010].

¹⁰ Larson Rh. Water Security // Water Security, Northwestern University Law Review. 2017. Vol. 112, no. 2. URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/nulr/vol112/iss2/1> (accessed: 30.08.2024).

¹¹ Bonosree R. Bringing Shared Natural Resources under the Global Commons Governance: Seeds and Water in Context // Human Rights and Bangladesh: Leadership in Prospect. ELCOP, 2022. P. 47–61.

¹² Savoy C.M., Staguhn J. The Importance of Water in Foreign Policy // Center for Strategic and International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/importance-water-foreign-policy> (accessed: 30.08.2024).

[Houston, Griffiths 2008]. Трансграничные воды, чаще всего рассматриваются как проблемы регионов [Лузянин, Сафронова 2010], но на этом уровне возникает вопрос о том, кто обладает властью определять нормы. Интерпретация загрязнений, крупных плотин и других явлений может нивелировать «аргумент национальных интересов» [McCully 2001], создавать доводы в пользу международных норм, ограничивающих определенным образом суверенитет.

Ограниченность суверенитета — один из самых спорных вопросов при его разработке, но неоднозначность способствует описанию воды, потому что позволяет охватывать разные, даже диаметрально противоположные ситуации. Суверенитет может обосновывать защиту от вмешательства и быть частью «санкционированного вмешательства». Кофи Аннан, будучи Генеральным секретарем ООН, объявил, что водный вопрос одним из приоритетных среди проблем, ожидающих человечество в XXI в. [Жильцов, Зонн 2008: 49] (что отражено в Декларации тысячелетия ООН¹³), а следом за этим созвал международную комиссию по вмешательству и государственному суверенитету, по результатам работы которой суверенитет получил определение, санкционирующее внешнее вмешательство¹⁴. Ограниченность суверенитета, как бы ее ни обосновывали, прежде всего в международных отношениях, отнюдь не поглощает всю концепцию, сильны подходы, когда отрицается частичность суверенитета: он может быть только присутствующим либо отсутствующим [James 1999, 462–464]. Нет единого ответа на вопрос, способствует ли сотрудничеству в постмодернистском мире национальный суверенитет или мешает ему.¹⁵

Суверенитет стал частью языка, на котором говорят о воде. Он выступает и как проблема, отягощающая политические действия в сфере воды [Keskinen, Salminen, Naarala 2021], и как часть благоприятного сотрудничества по поводу трансграничных водотоков (выступает базовым принципом в Конвенции ООН¹⁶ о несудоходном использовании международных водотоков 1997 г.)¹⁷. Вообще международные организации, особенно крупнейшие и наиболее влиятельные, такие как ООН, интенсивно транслируют язык, в котором вода обладает

¹³ Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8.09.2000 // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 30.08.2024).

¹⁴ Симонович И. Ответственность по защите // ООН : официальный сайт. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21872> (accessed: 30.08.2024).

¹⁵ Grandi M. *Hydropolitics in Transboundary Water Management: Conflict, Cooperation and Governance along the Nile River*. Unpublished Ph.D. dissertation, Sant'Anna School of Advanced Studies, 2016. URL: https://www.iris.sssup.it/bitstream/11382/526628/1/Grandi%20%282016%20PhD%20Dissertation%29_Hydropolitics_in_TWM_low%20quality.pdf (accessed: 30.08.2024).

¹⁶ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков. Принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи от 21.05.1997 // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (accessed: 30.08.2024).

¹⁷ Проблема пресной воды. Глобальный контекст политики России: экспертно-аналитический доклад / А.А. Орлов, А.Л. Чечевишников, Е.С. Алексеенкова [и др.] ; МГИМО (У) МИД России, Институт международных исследований. Москва : МГИМО (У) МИД России, 2011. С. 27.

сильнейшим политическим влиянием, она «может создать мир или разжечь конфликт»¹⁸. Он используется даже экономическими организациями (агентствами развития, финансирования), которые играют сильную роль в разработке локальной водной политики, до такой степени, что национальный суверенитет ставится под вопрос [Mollinga 2008: 25]. ЮНЕСКО в своей цифровой библиотеке, которая объявлена ключевым инструментом, способствующим «выполнению миссии ЮНЕСКО по построению мира в умах людей»¹⁹, собирает информационные материалы, соответствующие выбранному подходу к воде, ее управлению и границам вмешательства в суверенитет стран²⁰.

Нехватка водных ресурсов, базирующиеся на ней угрозы, сюжеты симбиоза воды и суверенитета дают возможность предлагать инструменты и способы изменения опасных ситуаций, а сущность этих инструментов может кардинально отличаться, но в большинстве своем «переустройство водного мира» обосновывается объединяющими началами [Чернявский 2022: 135], которые требуют всеобщего вмешательства, выработки актуальной концепции суверенитета, отвечающей современным «водным запросам».

В итоге понятие воды неразрывно связывается с суверенитетом и современным государством. «Огосударствление» [Boelens et al. 2016] гидросоциальной территории создает пространство с иерархическими отношениями, где переплетаются технологические, промышленные, государственно-административные и научные сети знаний, способствующие тому, что отвечает нелокальным экономическим и политическим интересам [Boelens, Hoogesteger, Swyngedouw, Vos, Wester 2016: 6]. Все это выражает столкновение различных взглядов в процессе разработки «водного» политического порядка.

Заключение

Вода как политическая категория имеет множество коннотаций: политическая проблема, политический вопрос, составляющая других проблем и вопросов, элемент структуры, фактор влияния, причина изменений и др. Этот язык воплощает сформировавшийся к сегодняшнему дню подход к ее пониманию. Проблема воды акцентирует внимание на опасностях, которые к ней привязывают, от дефицита пресной воды до «войн за воду». Постановка «вопроса воды»

---

¹⁸ Water and Peace // UN-Water (United Nations). URL: <https://www.unwater.org/water-facts/water-and-peace> (accessed: 30.08.2024).

¹⁹ Цифровая библиотека ЮНЕСКО. URL: <https://unesdoc.unesco.org/about> (дата обращения: 30.08.2024).

²⁰ В качестве примера можно привести: Delli Priscoli J., Wolf A.T. *Managing and Transforming Water Conflicts*. Cambridge University Press: Cambridge, 2009. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000188938> (accessed: 30.08.2024); Vinogradov S.V., Wouters P., Jones P. *Transforming potential conflict into cooperation potential: the role of International Water Law // The report UNESCO's International Hydrological Programme*. 2003. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000133258> (accessed: 30.08.2024); *Transforming potential conflict into cooperation potential: the role of international water law* <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000133258> (accessed: 30.08.2024).

обосновывает внимание к ней, выявляет необходимость регулирования, а значит, выработки и реализации соответствующей политики, в том числе на глобальном уровне. Множество конструкций описывают текущие политические процессы, объясняя место воды и ее роль.

Этот сложный масштабный подход, вклад в который вносит большое количество акторов самого разного уровня и типа, с одной стороны, отвечает текущим запросам и определяет политику, а с другой — сам влияет на то, как понимается вода и все, что с ней связано. Интерес к этой области привел к быстрому изменению статуса темы воды в политике, что повлекло за собой взрывной рост текстов, поднимающих этот вопрос: научных, экспертных, нормативных, журналистских и т. д. При этом важна не только популярность, но и значение темы воды. Сейчас это один из главных вопросов мирового уровня.

Масса текстов, которая кажется хаотичной, при близком рассмотрении распадается на ограниченное количество проблемных рамок, в которых воспроизводится акцент на недостаточности воды, ее неравномерности, общности обладания, объективности требований к немедленным действиям и т. д. В них вода выступает ресурсом, что неизбежно приводит к вопросу обладания и справедливости распределения. Основой для этого становится идея границ и взаимозависимости, что заставляет в итоге обращаться к концепции суверенитета. Он включается в разговор о воде даже в том случае, когда отсутствуют его прямые упоминания. Государственные границы и их пересечение, сотрудничество или конфликты национальных государств, наднациональные организации и их влияние, соглашения и международные нормы, независимость и вмешательство в национальную политику, власть и ее рамки — все это основные элементы обсуждения воды в политике. И одновременно они составляют суверенитет — его обсуждение, понимание, споры о его природе, формальная фиксация строятся вокруг этих же элементов.

Востребованность такой взаимосвязи проявляется и в концептуальной аморфности этих понятий. Подвижность границ определений при общедоступности их понимания привлекает на разных уровнях, поскольку позволяет описывать сложные явления, включая их в существующую систему смыслов, и в то же время выделять особенности конкретной ситуации и уникальность способа ее понимания. Она дает возможность отразить двойственность того, на что направлено внимание. Границы (во всех смыслах, от государственных границ до границ, причисляемых экономике, природе или теории) становятся определяющим понятием для темы воды в политике — важно, что происходит и внутри, и за их пределами. Так суверенитет проявил себя как основа видения воды в современной политике.

Поступила в редакцию / Received: 04.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 07.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список

- Агамбен Д. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. Москва : Европа, 2011.
- Белозеров В. Страсти по воде // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7, № 3. С. 150–160. EDN: TJZVEB
- Воловиков А.Г. Пресная вода как стратегический ресурс в международной политике // Власть. 2024. Т. 32, № 1. С. 176–181. <http://doi.org/10.31171/vlast.v32i1.9967>; EDN: JEJNUD
- Данилов-Данильян В. Глобальный дефицит пресной воды // Международная жизнь. 2008. № 8–9. С. 154–160. EDN: JUOLPP
- Де Бенуа А. Карл Шмитт сегодня. Москва : ИОИ, 2013.
- Де Жувенель Б. Власть. Естественная история ее возрастания. Москва : ИРИСЭН, Мысль, 2010.
- Джамалов Р.Г., Хасиев Р.С. Современная водная дипломатия // Природа. 2011. Т. 1153, № 9. С. 44–51. EDN: OFAUTB
- Жильцов С.С., Зонн И.С. Борьба за воду // Индекс безопасности. 2008. Т. 14, № 3 (86). С. 49–62. EDN: OWMNEZ
- Лихачева А.Б. Проблема пресной воды как структурный фактор мировой экономики // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 17, № 3. С. 497–523. EDN: RNLYNV
- Лузянин С.Г., Сафронова Е.И. Дефицит воды — глобальный вызов КНР–РФ–Казахстан. Как распорядиться водой? // Азия и Африка сегодня. 2010. Т. 638, № 9. С. 34–38. EDN: OFNWUF
- Суздалева А.Л. Россия и глобальный водный кризис // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 4. С. 53–59. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-4-53-59>; EDN: OYTKZE
- Чернявский С. О политике использования водных ресурсов в XXI веке // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 1. С. 135–138. EDN: VNOEJD
- Boelens R., Hoogesteger J., Swyngedouw E., Vos J., Wester P. Hydrosocial territories: a political ecology perspective // Water International. 2016. Vol. 41, no. 1. P. 1–14. <http://doi.org/10.1080/02508060.2016.1134898>; EDN: XZKLWN
- Doyle T., McEachern D., MacGregor S. Environment and Politics. 2th ed. London: Routledge, 2001. <http://doi.org/10.4324/9780203383704>
- Falkenmark M., Rockström J. Balancing water for man and nature: The new approach to ecohydrology. London : Routledge, 2004. <http://doi.org/10.4324/9781849770521>; EDN: UUTZIH
- Frey F.W. The Political Context of Conflict and Cooperation Over International River Basins // Water International. 1993. No. 18. P. 54–68. <http://doi.org/10.1080/02508069308686151>
- Gleick P.H. Water and Conflict: Fresh Water Resources and International Security // International Security. 1993. Vol. 18, no. 1. P. 79–112. <http://doi.org/10.2307/2539033>
- Heidegger M. Being and Time. New York : Harper & Row, 1962.
- Houston W., Griffiths R. Water the final resource: how the politics of water will impact on the World. Petersfield; Harriman house, 2008.
- James A. The Practice of Sovereign Statehood in Contemporary International Society // Political Studies. 1999. Vol. 47, no. 3. P. 457–473. <http://doi.org/10.1111/1467-9248.00212>
- Keskinen M., Salminen E., Haapala J. Water diplomacy paths — An approach to recognise water diplomacy actions in shared waters // Journal of Hydrology. 2021. Vol. 602. P. 1–13. <http://doi.org/10.1016/j.jhydrol.2021.126737>; EDN: INIUEJ
- McCully P. Silenced Rivers: The Ecology and Politics of Large Dams. London : Zed Books, 2001.
- Meinzen-Dick R., Zwartveen M. Gendered participation in water management: Issues and illustrations from water users' associations in South Asia // Agriculture and Human Values. 1998. Vol. 15, no. 4. P. 337–345. <http://doi.org/10.1023/A:1007533018254>; EDN: AHFPCZ

- Mirumachi N.* Transboundary Water Politics in the Developing World. Abingdon, UK : Routledge, 2015. <http://doi.org/10.4324/9780203068380> EDN: XYPSKJ
- Mitchell R.B.* International environmental politics. Los Angeles : SAGE, 2008. <http://doi.org/10.4135/9781446262108>
- Mokhtari Hashi H., Kavianirad M.* Explaining the Hydropolitics Concept // *Journal of Water and Sustainable Development*. 2019. Vol. 6, no. 2. P. 15–26. <http://doi.org/10.22067/jwsd.v6i2.75117>
- Mollinga P.P.* Water Policy — Water Politics // *Water Politics and Development Cooperation* / ed. by W. Scheumann, S. Neubert, M. Kipping. Berlin, Heidelberg : Springer, 2008. P. 1–29. http://doi.org/10.1007/978-3-540-76707-7_1
- Moore S., Squires D.* Governing the Depths: Conceptualizing the Politics of Deep Sea Resources // *Global Environmental Politics*. 2016. Vol. 16, no. 2. P. 101–109. http://doi.org/10.1162/GLEP_a_00347; EDN: YDWZFN
- Nardin T.* The Diffusion of Sovereignty // *History of European Ideas*. 2014. Vol. 41, no. 1. P. 89–102. <http://doi.org/10.1080/01916599.2014.948293>
- Núñez J.E. State Sovereignty: Concept and Conceptions // *International Journal for the Semiotics of Law — Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2024. No 37. P. 2131–2150. <http://doi.org/10.1007/s11196-024-10170-y>; EDN: XUCEUD
- Pahl-Wostl C., Gupta J., Petry D.* Governance and the Global Water System: A Theoretical Exploration // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 2008. Vol. 14, no. 4. P. 419–435. <http://doi.org/10.1163/19426720-01404003>
- Pemberton Ja.C.* The ‘End of Sovereignty’? // *Contending Images of World Politics* / ed. by G. Fry, J. O’Hagan. London : Palgrave, 2000. P. 91–105. http://doi.org/10.1007/978-0-333-98553-3_7
- Ribeiro W.C., Sant’Anna F.M.* Seguretat hídrica i conflicte i cooperació interestatals // *Documents d’Anàlisi Geogràfica*. 2014. Vol. 60, no. 3. P. 573–596. <http://doi.org/10.5565/rev/dag.150>
- The Politics of Water: A Survey* / ed. by K. Wegerich, J. Warner. London : Routledge, 2010. <http://doi.org/10.4324/9780203849187>
- Vukovic M.* International water disputes and cooperative responses to water stress // *Sociološki pregled*. 2008. Vol. XLII, no. 2. P. 241–260. <http://doi.org/10.5937/socpreg0802241V>
- Ward I.* The End of Sovereignty and the New Humanism // *Stanford Law Review*. 2003. Vol. 55, no. 5. P. 2091–2112. EDN: FYIETM
- Warner J., Wegerich K.* Is water politics? Towards international water relations // *The politics of water: a survey* / ed. by J. Warner, K. Wegerich. London : Routledge, 2010. P. 3–17.
- Water politics and development cooperation: local power plays and global governance* / ed. by W. Scheumann, S. Neubert, & M. Kipping. Berlin : Springer, 2008. <http://doi.org/10.1007/978-3-540-76707-7>
- Water Trading and Global Water Scarcity: International Experiences* / ed. by J. Maestu. London : Routledge, 2012. <http://doi.org/10.4324/9780203084151>
- Woertz E.* Virtual water, international relations and the new geopolitics of food // *Water International*. 2022. Vol. 47, no. 7. P. 1108–1117. <http://doi.org/10.1080/02508060.2022.2134516>; EDN: IYIECQ

References

- Agamben, G. (2011). *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Moscow: Evropa. (In Russian)
- Belozyorov, V.K. (2009). Passion for water. *Russia in Global Affairs*, 7(3), 150–160. (In Russian) EDN: TJZVEB
- Boelens, R., Hoogesteger, J., Swyngedouw, E., Vos, J., & Wester, P. (2016). Hydrosocial territories: A political ecology perspective. *Water International*, 41(1), 1–14. <http://doi.org/10.1080/02508060.2016.1134898>

- Chernyavskiy, S. (2022). On the policy of water resources use in the 21st century. *World Economy and International Relations*, 66(1), 135–138. (In Russian) EDN: VNOEJD
- Danilov-Danilyan, V.I. (2008). Global freshwater scarcity. *International Affairs*, (8–9), 154–160. EDN: JUOLPP (In Russian)
- De Benoist, A. (2013). *Carl Schmitt in France*. Moscow: IOI. (In Russian)
- De Jouvenel, B. (2010). *On power: The natural history of its growth*. Moscow: IRISEN, Mysl' (In Russian)
- Doyle, T., McEachern, D. & MacGregor, S. (2001). *Environment and politics* (2th ed.). London: Routledge. <http://doi.org/10.4324/9780203383704>
- Dzhamalov, R.G., & Khasiev, R.S. (2011). Modern water diplomacy. *Priroda*, 1153(9), 44–51. EDN: OFAUTB (In Russian)
- Falkenmark, M., & Rockström, J. (2004). *Balancing water for man and nature: The new approach to ecohydrology*. London: Routledge. <http://doi.org/10.4324/9781849770521>
- Frey, F.W. (1993). The political context of conflict and cooperation over international river basins. *Water International*, 18, 54–68. <http://doi.org/10.1080/02508069308686151>
- Gleick, P.H. (1993). Water and conflict: Fresh water resources and international security. *International Security*, 18(1), 79–112. <http://doi.org/10.2307/2539033>
- Heidegger, M. (1962). *Being and time*. New York: Harper & Row.
- Houston, W., Griffiths, R. (2008). *Water the final resource: How the politics of water will impact on the World*. Petersfield; Harriman house.
- James, A. (1999). The practice of sovereign statehood in contemporary international society. *Political Studies*, 47(3), 457–473. <http://doi.org/10.1111/1467-9248.00212>
- Keskinen, M., Salminen, E., Haapala, J. (2021). Water diplomacy paths — An approach to recognise water diplomacy actions in shared waters. *Journal of Hydrology*, 602, 1–13. <http://doi.org/10.1016/j.jhydrol.2021.126737>; EDN: INIUEJ
- Likhacheva, A.B. (2013). Fresh water problem as a structural factor of world economy. *The HSE Economic Journal*, 17(3), 497–523. (In Russian) EDN: RNLYNV
- Luzyanin, S.G., Safonova, E.I. (2010). Deficiency of water the global challenge China & Russia & Kazakhstan: How to command water? *Asia and Africa today*, 638(9), 34–38. (In Russian) EDN: OFNWUF
- Maestu, J. (Ed.). (2012). *Water trading and global water scarcity: International experiences*. London: Routledge. <http://doi.org/10.4324/9780203084151>
- McCully, P. (2001). *Silenced rivers: The ecology and politics of large dams*. London: Zed Books.
- Meinzen-Dick, R., & Zwarteveen, M. (1998). Gendered participation in water management: Issues and illustrations from water users' associations in South Asia. *Agriculture and Human Values*, 15(4), 337–345. <http://doi.org/10.1023/A:1007533018254>; EDN: AHFPCZ
- Mirumachi, N. (2015). *Transboundary water politics in the developing world*. Abingdon, UK: Routledge. <http://doi.org/10.4324/9780203068380> EDN: XYPSKJ
- Mitchell, R.B. (2008). *International environmental politics*. Los Angeles: SAGE. <http://doi.org/10.4135/9781446262108>
- Mokhtari Hashi, H., & Kavianirad, M. (2019). Explaining the hydropolitics concept. *Journal of Water and Sustainable Development*, 6(2), 15–26. <http://doi.org/10.22067/jwsd.v6i2.75117>
- Mollinga, P.P. (2008). Water policy — water politics. In: W. Scheumann, S. Neubert, & M. Kipping (Eds.), *Water Politics and Development Cooperation* (pp. 1–29). Berlin: Springer. http://doi.org/10.1007/978-3-540-76707-7_1
- Moore, S., & Squires, D. (2016). Governing the depths: Conceptualizing the politics of deep sea resources. *Global Environmental Politics*, 16(2), 101–109. http://doi.org/10.1162/GLEP_a_00347; EDN: YDWZFN
- Nardin, T. (2014). The diffusion of sovereignty. *History of European Ideas*, 41(1), 89–102. <http://doi.org/10.1080/01916599.2014.948293>

- Núñez, J.E. (2024). State sovereignty: Concept and conceptions. *International Journal for the Semiotics of Law — Revue internationale de Sémiotique juridique*, 37, 2131–2150. <http://doi.org/10.1007/s11196-024-10170-y>; EDN: XUCEUD
- Pahl-Wostl, C., Gupta, J., & Petry, D. (2008). Governance and the global water system: A theoretical exploration. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, 14(4), 419–435. <http://doi.org/10.1163/19426720-01404003>
- Pemberton, J.A.C. (2010). The ‘end of sovereignty’? In Fry, G. & J. O’Hagan (Eds.), *Contending Images of World Politics* (pp. 91–105). London: Palgrave. http://doi.org/10.1007/978-0-333-98553-3_7
- Ribeiro, W.C., & Sant’Anna F.M. (2014). Seguretat hídrica i conflicte i cooperació interestatals. *Documents d’Anàlisi Geogràfica*, 60(3), 573–596. <http://doi.org/10.5565/rev/dag.150>
- Scheumann, W., Neubert, S., & Kipping, M. (Eds.) (2008). *Water politics and development cooperation: Local power plays and global governance*. Berlin: Springer. <http://doi.org/10.1007/978-3-540-76707-7>
- Suzdaleva, A.L. (2020). Russia and global water crisis. *World Economy and International Relations*, 64(4), 53–59. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-4-53-59>; EDN: OYTKZ
- Volovikov, A.G. (2024). Fresh water as a strategic resource in international politics. *Vlast’*, 32(1), 176–181. (In Russian) <http://doi.org/10.31171/vlast.v32i1.9967> EDN: JEJNUD
- Vukovic, M. (2008). International water disputes and cooperative responses to water stress. *Sociološki pregled*, 42(2), 241–260. <http://doi.org/10.5937/socpreg0802241V>
- Ward, I. (2003). The end of sovereignty and the new humanism. *Stanford Law Review*, 55(5), 2091–2112. EDN: FYIETM
- Warner, J., & Wegerich, K. (2010). Is water politics? Towards international water relations. In J. Warner & K. Wegerich (Eds.), *The politics of water: A survey* (pp. 3–17). London: Routledge.
- Wegerich, K., & Warner, J. (Eds.) (2008). *The Politics of Water: A Survey*. London: Routledge. <http://doi.org/10.4324/9780203849187>
- Woertz, E. (2022). Virtual water, international relations and the new geopolitics of food. *Water International*, 47(7), 1108–1117. <http://doi.org/10.1080/02508060.2022.2134516>; EDN: IYIECQ
- Zhiltsov, S.S., & Zonn, I.S. (2008). Fight for water. *Security Index*, 14(3), 49–62. (In Russian) EDN: OWMHEZ

Сведения об авторе:

Михалева Анастасия Анатольевна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Центр изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (e-mail: afan-project@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3662-1071)

About the author:

Anastasia A. Mikhaleva — PhD in Politics, Senior Researcher, Center of Political Transformations Studies, Banzarov Buryat State University (e-mail: afan-project@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3662-1071)